

Оглавление

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	34
Глава 5	43
Глава 6	52
Глава 7	61
Глава 8	70
Глава 9	79
Глава 10	90
Глава 11	100
Глава 12	109
Глава 13	120
Глава 14	132
Глава 15	141
Глава 16	152
Глава 17	164
Глава 18	173
Глава 19	182
Глава 20	193
Глава 21	203
Глава 22	210
Глава 23	220
Глава 24	229
Глава 25	236

Глава 26	247
Глава 27	255
Глава 28	265
Глава 29	276
Глава 30	284
Глава 31	294
Глава 32	303
Глава 33	315
Глава 34	325
Глава 36	335
Эпилог	345

Глава 1

— Молчать!!! — по дому разнёсся полный ярости бас отца. — Ты выйдешь замуж за Олбранда, даже если мне придётся тащить тебя к алтарю на аркане. А если понадобится, я прикую тебя к кровати и буду держать до тех пор, пока ты не понесёшь от своего мужа. Всё поняла?

Я не могла поверить, что это говорит мой отец. Таким жестоким и бессердечным он со мной ещё не был.

Я стояла перед ним, понуриив голову, и только вздрагивала от каждого слова, которые он бросал в меня, словно камни. А рядом всхлипывала и промокала глаза платочком моя мать.

— Алесса, милая, — его голос немного смягчился, — неужели не понимаешь? Мы не можем иначе. Тебе придётся принести эту жертву ради всех нас. Или хочешь, чтобы твоих родителей казнили, сестру сдали в бордель, а братьев отправили на галеры? Неужели в тебе нет сердца?

Эти слова заставили меня поднять голову.

— А у вас, папенька, — спросила я тихо, — у вас есть сердце? Это же вы всё заварили. Вы

поддержали смену династии, а теперь хотите, чтобы я всех спасла?

Наши глаза встретились. Наверное, впервые в жизни я выдержала тяжёлый, давящий взгляд отца и не моргнула.

— Да, — сказал он после короткого молчания, — так и есть, я хочу, чтобы ты всех спасла. И если придётся, я заставлю тебя это сделать. А теперь всё, убирайся. Анна, — он глянул на мать, — лорд Олбранд прибудет завтра к обеду. К этому времени невеста должна быть готовой!

О приданом отец даже не заикнулся, и я прекрасно знала почему. У меня его нет. У меня вообще ничего нет, кроме того, что на мне надето. Как, впрочем, у всей нашей семьи. Некогда богатые, титулованные, приближённые к власти, мы стали изгоями. Нас лишили имущества, титулов, источников дохода и даже чести...

Отобрали всё и сослали в родовое поместье Фрейнхолл без права появляться на людях. Потому что отец поставил не на ту лошадь.

И он абсолютно не преувеличивал, говоря, что я должна всех спасти.

Мне было тринадцать, когда умер король Рихард. Новым королём должен был стать его сын Йондер Нежный, прозванный так за свою любовь к пению и цветам. Но он внезапно пропал вместе с матерью, а власть захватил брат усопшего короля — Альбрехт Родельгорт.

Мой отец был среди тех, кто помог ему взойти на престол. А спустя четыре года вернулся законный наследник. Однако он пришёл не один, а с огромной армией, которой командо-

вал тот самый лорд Олбранд. Цепное чудовище Йондера — так его называют.

Я никогда не видела своего жениха, но слышала, как шепчутся слуги. Они говорили, что он уродлив лицом, нелюдим и очень жесток. Что он отдал душу в обмен на богопротивную силу, и за это был проклят.

Я слышала, как горничные в ужасе обсуждали, что каждую ночь король приказывает заковать его в цепи, потому что ночью он сходит с ума и не ведаёт, что творит...

Конечно, часть этих слухов — пустые сплетни, но сплетни не рождаются из ничего. Поэтому, когда неожиданный гонец доставил в наш дом королевский приказ о моем бракосочетании с генералом Олбрандом, я первым делом рухнула в обморок. А когда очнулась, то заявила, что быстрее убью себя, чем стану его женой.

— Матушка, ну зачем ему я? — едва сдерживая слезы, я взглянула на мать.

Та покачала головой, когда мы вышли из кабинета отца.

— Не капризничай, Алесса. Ты не хуже меня знаешь, что твой отец прав. Мы не можем перечить воле короля. К тому же этот брак спасёт нас всех.

— Ценой моей жизни?

— Ну что ты, тебя ведь не на казнь ведут, а замуж.

Она протянула руку, чтобы погладить меня по щеке, но я отшатнулась.

— Успокойся, — её голос стал строже. — У тебя долг перед семьёй, перед твоими братьями и сестрой. А лорд Олбранд очень богат.

Говорят, подвалы его замка ломаются от золота и драгоценных камней. Может, ты нам ещё спасибо скажешь, что так удачно выдали тебя замуж.

— Продали!

— Думай, как знаешь.

Я закусила губу, обошла мать и нырнула в свою комнату. А потом захлопнула дверь у неё перед носом.

Раздался стук:

— Алесса, не дури! И не вздумай ничего с собой сделать!

— Даже не собиралась, — процедила я сквозь зубы.

Хотя, признаться, такая мысль у меня была. Но я слишком люблю жизнь, чтобы самой себе её укорачивать. Нет, надо придумать что-то другое. Сбежать?

Да запросто. Могу хоть сейчас связать простыни и вылезти из окна, а потом поминайте меня как звали. Но мои братики и сестричка... Что с ними будет? Особенно с Аmandой. Ей уже шестнадцать, и если я сбегу, то её отправят к Олбранду вместо меня...

Такого я не могла допустить.

А потому в полном отчаянии рухнула на кровать, уткнулась лицом в подушку и заорала во всю силу лёгких.

Спустя минуту мне стало полегче. Но не намного.

Из-под подушки торчал уголок книги. Наверное, кто-то из младших принёс. Я равнодушно достала её и осмотрела обложку. Та была довольно красочной: замок, алый закат, бравый

рыцарь в доспехах верхом на коне и прекрасная принцесса в его объятиях.

Нянюшка говорила, что в детстве я очень любила сказки. Но я этого не помню. Я вообще ничего не помню из того, что было до воцарения Альбрехта. Потому что в тринадцать лет поскользнулась на льду, упала и ударилась головой.

Это было ночью. Что я делала ночью в зимнем саду — неизвестно. Но нашли меня только утром, замёрзшую и без чувств.

Два месяца я пролежала в горячке. А когда очнулась, то стала заново учиться ходить, говорить, держать ложку и делать самые обыкновенные вещи. В конце концов я справилась, однако память ко мне не вернулась.

Да и не нужно. Что в моём детстве может быть интересного?

Хмыкнув, я перелистнула несколько страниц, а потом отбросила книгу прочь.

Я уже выросла из сказок, и принц мне не светит. Вместо него меня ждёт Чудовище.

* * *

Поздно вечером, когда я уже потушила свечу и устала в полог кровати, пытаюсь силой мысли прожечь в нём отверстие, в дверь поскреблись.

— Алесса? — донёсся испуганный шёпот Аманды. — Впусти меня, прошу.

Во мне до сих пор клокотала обида, и первым порывом было притвориться спящей. Но дрожащий голос сестры заставил передумать. Я вздохнула, поднялась и отворила засов.

Аманда, вся в слезах, тут же бросилась мне на шею. Она прижалась мокрым лицом к моей щеке и зашептала, перемежая слова со всхлипами:

— Маменька сказала, это твоя последняя ночь в нашем доме, сестрёнка. Прошу, не прогоняй меня. Позволь остаться. Помнишь, как мы спали вместе этой весной, когда было холодно?

Аманду бил мелкая дрожь. Я взъерошила её тонкие, как шёлк, волосы и вздохнула так, будто сама была взрослой:

— Какой ты ещё ребёнок!

А сердце в ответ болезненно сжалось.

Не с того начиналась моя взрослая жизнь. Не такой я её себе представляла.

— Ладно, идём, — я потянула сестру за собой к большой, холодной кровати.

Мы устроились под тонким одеялом и плотно прижались друг к другу, как два замёрзших воробушка, пытающихся согреться. Воздух в комнате был ледяной, угли в камине почти потухли, а дрова для нас давно стали недоступной роскошью. Осень была холодная, но даже детскую, где спали Рик и Олли, родители не могли отапливать постоянно. Поэтому в самые ненастные ночи согревали их своим теплом.

Мы с Амандой не говорили. Просто грели друг друга и слушали, как по чердаку гуляет ветер, а за окном усиливается непогода — колкий снег хлестал в стёкла, и ветер выл в щелях рам.

Внезапно сквозь хаос ночных звуков я слышала что-то ещё. Тихий, но отчётливый звук. Он доносился прямо из-под кровати.

Аманда тоже его услышала, и мы с ней замерли одновременно. Тело сестрёнки на-пряглось в моих объятиях.

— К-крыса? — прошептала она дрогнувшим голосом.

Я покачала головой и приложила палец к губам.

На грызуна не похоже. Да и что крысе делать здесь, так далеко от кухни и пустых закровов? Я не помнила, чтобы под кроватью что-то хранилось. Там должны быть лишь пыль да паутина.

Но звук повторился.

Казалось, там, в темноте, кто-то громко сопит...

Аманда вскрикнула. В слабом свете, пробивавшемся из-за штор, её глаза стали круглыми от страха. Но холодный ужас внутри меня уже сменялся растущим подозрением.

Потому что звук был слишком... знакомым. Слишком человеческим.

Я резко приподнялась на локте, собираясь свеситься с кровати и заглянуть вниз.

— Не смотри туда! Не смотри! — прошептала Аманда, цепляясь за мою руку. — Вдруг это... ночное чудовище!

Я не выдержала и фыркнула — короткий, нервный смешок, в котором не было ни капли веселья.

— Если это чудовище, — сказала я, высвобождая руку, — то его зовут Рик. И ему наверняка там не очень удобно.

Наклонившись над краем кровати, я вгляделась в густой мрак. Два испуганных детских глаза встретились с моими.

— А ну-ка, вылезай сию же минуту! — приказала я без особой строгости. — И объясни, как ты здесь оказался?

Из-под кровати выполз шестилетний Рикард, наш младший братец, весь в пыли и паутине. Его маленькое личико было мокрым от слёз, и он громко шмыгал носом.

— Я не хочу, чтобы ты уезжала к этому Олбранду! — выпалил он, размазывая слёзы и грязь исцарапанными кулаками. — Марта говорит про него страшные вещи! Она сказала, что он... что он маленьких мальчиков на завтрак ест! Пожалуйста, сестрёнка, не уезжай!

В горле у меня встал ком. Я посмотрела на Аманду. В её глазах читалось то же самое — страх перед тем, кому отец так легко отдал меня, и боль от того, что ничего нельзя изменить.

Мы вдвоём наклонились, подхватили Рика под мышки и втянули его, маленького и дрожащего, в наше убежище. Он тут же прижался ко мне, зарывшись мокрым лицом в мою ночнушку.

— Дурачок, — тихо прошептала я, уже ласково, обнимая его за тощие плечики. — Никто меня на завтрак не съест.

Хотя в душе я не была в этом уверена.

Мы устроились втроём под одеялом, согревая друг друга. Рик успокоился, его дыхание стало ровнее. Аманда обняла его с другой стороны. На несколько мгновений воцарилась хрупкая, относительная тишина, нарушаемая лишь завыванием ветра и ровным дыханием детей.

А потом тишину разорвал новый звук.

Кто-то громко чихнул.

Звук донёлся из-за тяжёлой портьеры, отделявшей спальню от маленькой уборной. Там ещё месяц назад разбилось окно, и теперь в спальню задувал ветер, потому что раму попросту забили досками. Но сейчас в уборной кто-то стоял.

Все мы замерли.

Аманда вжалась в подушку, а Рик испуганно схватил меня за руку. Во мне же, сменив миг растерянности, вспыхнула знакомая ярость — отчаяние, искавшее выход.

Я резко прыгнула с кровати, подбежала к камину и схватила тяжёлую кочергу.

— Кто тут ещё?! — мой голос звучал хрипло, но грозно. — Выходи сию же минуту!

Портьера дрогнула, и из-за неё, смущённо переминаясь с ноги на ногу, появился Ладор. Моему тринадцатилетнему брату было явно не по себе. Нервно потирая ухо, он с опаской покоился на кочергу в моей руке.

— Я... я не хотел тебя напугать, — пробормотал он, опуская голову. — Просто... я не согласен с отцом. Ты не должна страдать за нас всех. Из-за его ошибок.

Обескураженная, я окинула взглядом всю эту ватагу: Аманда, испуганная и трогательная в своей ночной рубашке; Рик, совсем ещё мальш, смотрящий на меня преданными глазами; и вот теперь Ладор, в чьих глазах уже просыпался бунт против несправедливости.

Вся злость разом ушла, сменившись горькой, щемящей нежностью. Я с глухим стуком опустила кочергу на пол и сдавленно вздохнула:

— Ну что с вас возьмёшь? Родители думают, что вы по своим кроваткам спите, а вы все у меня. Только Олли здесь не хватает для полного сбора.

— Он с Мартой, — проворчал Рик, исподлобья поглядывая на старшего брата. — Боится один.

— Да знаю я! — раздражённо перебила я, смахивая предательскую слезу. Потом безнадежно махнула рукой. — Ладно, кончайте этот балаган. Живо все под одеяло! Ещё не хватало, чтобы вы тут мне простудились.

Они не заставили себя ждать. Вскоре моя кровать превратилась в подобие птичьего гнезда, где мы вчетвером сбились в кучу, согревая друг друга. Рик пристроился у меня под мышкой, Аманда обняла меня за талию, а Ладор, стараясь сохранить остатки достоинства, улёгся у наших ног.

Вскоре тихое дыхание подсказало, что дети спят. Я тоже провалилась в сон — зыбкий и тревожный. А разбудил меня скрип двери и испуганный женский вскрик.

Открыв глаза, я увидела Марту.

Комнату заполняла ночная мгла, но нянька стояла на пороге с огарком свечи. Слабый огонёк осветил её испуганное лицо. Похоже, она пошла проверить детей и, не найдя их, комнатах, переполошилась. Вот и ворвалась ко мне, но крик застрял у неё в горле. Она замерла в дверях, глядя на нас.

Я тоже глянула на кровать — и улыбнулась.

Во сне мы сплелись в один беспокойный клубок. Аманда крепко держала мою руку, Рик

вцепился в край моей ночнушки. Ладор, сбросив одеяло, повернулся ко мне спиной, как бы прикрывая от возможной опасности.

В эту ночь мы в последний раз были вместе.

Подняв взгляд на Марту, я увидела, как она промокнула глаза кончиком фартука и тихо исчезла.

Дверь закрылась. Я закрыла глаза.

Глава 2

Сон был тяжёлым и липким, как смола, а пробуждение — резким. Я подскочила от грохота железной заслонки, усиленного дымоходом. Села в кровати, чувствуя, как колотится сердце, и не сразу сообразила, что это грохочет.

Истопник. Всего лишь истопник возится на кухне, выгребая вчерашнюю золу.

Я упала обратно в подушки. Всего секунду в голове была пустота, а потом — обрушились воспоминания.

Моя свадьба. Она... сегодня!

Холодный ужас сковал живот, но я отмахнулась, были заботы и поважнее.

Истопник уже начал свой день — значит, нужно торопиться. Скоро проснётся весь дом. А если отец застукает тут малышню, особенно Ладора, нам всем не поздоровится!

— Вставайте, — прошептала я, тормоша за плечо Аманду. — Быстро. Папенька...

Аманда в ответ промычала что-то нечленораздельное и зарылась глубже в подушку. Рик, почувствовав движение, ещё сильнее вцепился

в мой бок. Ладор, спавший в ногах, развернулся, причмокивая губами.

— Просыпайтесь же! — я повысила голос. — Вам же влетит!

Сев, начала буквально отдирать от себя Рика, расталкивать Аманду, пинать ногой Ладора.

Они просыпались медленно, неохотно, протирая кулаками слипшиеся от сна глаза. Рик захныкал.

— Ещё пять минуточек, сестрёнка...

— Никаких минуточек! — шипела я, уже спуская ноги с кровати и подыскивая взглядом их разбросанные впопыхах войлочные туфли. — Живо! Одевайтесь и по комнатам!

Дверь открылась без стука.

Мы все замерли, кто как был: я, пытаюсь растолкать Ладора, Аманда — открыв рот в зевке, Рик — в одной туфле, обутой спросонья не на ту ногу...

На пороге стояла мать. Этим утром она надела своё лучшее, из оставшихся, платье. Уже вышедшее из моды, но сшитое из тонкой мягкой шерсти, с кружевной пелериной. Её волосы были убраны в строгую, тугую сетку. А на лице не отражалось ни гнева, ни упрека — лишь усталая, обречённая собранность.

Мама не сказала ни слова. Только обвела взглядом нашу помятую, сонную компанию, и её тонкие губы плотно, почти до белизны, сжались.

Этого было достаточно.

Аманда ахнула и, стораая от стыда, сползла с кровати. Рик, увидев мать, моментально про-

снулся от страха и юркнул мне за спину. Ладор встал последним, стараясь сохранить остатки достоинства, но это сложно сделать, когда волосы торчат во все стороны, а лицо смято так же, как и рубашка.

Я тоже поднялась.

— Прости, маменька... — пробормотала Аманда, потупив взгляд.

— Марта ждёт вас в коридоре, — голос матери был пугающе ровным. — Идите. Приведите себя в порядок. Сегодня в доме будут важные гости.

Дети поплелись к двери, сбившись в виноватую кучку. Аманда на ходу поправляла ночнушку, Ладор пытался пригладить вихры, Рик шарил ногой по полу в поисках потерянной туфли.

На пороге Аманда обернулась. Её глаза блестели. Она хотела что-то сказать, броситься ко мне, но взгляд матери её остановил. Сестрёнка лишь беззвучно пошевелила губами:

— Прости.

И выскользнула в коридор, где нянька уже отчитывала Рика испуганным шёпотом.

Ладор шёл последним. Он замешкался на пороге, положив руку на косяк. Его спина, обычно такая угловатая и подростковая, сейчас показалась мне незнакомо-прямой и напрядённой.

Неожиданно брат обернулся.

Свет из коридора падал на его профиль, и у меня перехватило дыхание.

Жёсткая линия скул, упрямые, плотно сжатые губы — сейчас он был копией отца. Такой